

■■■■■

**Конь Бледный Б. Савинкова
(В. Ропшина) и идейное
убийство: от события
исторической реальности
к событию в литературном
произведении¹**

■■■■■

The purpose of this paper is to observe interrelationship between specific historical event (ideological assassination as revolutionary and terrorist practice during of First Russian Revolution 1905) and ideological assassination as central element of topical structure of *The Pale Horse* (1909; 1913), novel of Boris Viktorovich Savinkov (pen name V. Ropshin). As in the other novels of Savinkov-Ropshin, topic of *The Pale Horse* is heavily based on actual historical circumstances and absorbs string of specific historical events in which the author of the novel, member of Socialist Revolutionary Party, played active role as organiser or executor of the actions. Historical subtext is illustration of ideological plan of the novel whose base is reviewing the question of „right“ on someone’s else life, i.e. ethical side of ideological assassination.

SAVINKOV, ROPSHIN, *THE PALE HORSE*, IDEOLOGICAL ASSASSINATION, FIRST RUSSIAN REVOLUTION 1905, SPECIFIC HISTORICAL EVENT AND LITERARY TEXT, RUSSIAN LITERATURE IN 20TH CENTURY

В настоящей работе рассматривается соотносённость конкретно-исторического события (идейное убийство как революционно-террористическая практика эпохи первой русской революции 1905 года) с идейным убийством как стержневым элементом сюжетной структуры романа *Конь бледный* (1909; 1913) Б. В. Савинкова (В. Ропшина). Подобно другим романам Савинкова-Ропшина, сюжетная основа романа *Конь бледный* крепко опирается на реальную историческую обстановку и впитывает в себя ряд событий, в которых автор романа, революционер-эсер Савинков, принимал активное участие, то ли в роли организатора, то ли в роли непосредственного исполнителя. Исторический подтекст представляет иллюстрацию идейного плана романа – рассмотрение вопроса «права» на чужую жизнь, т. е. этической стороны идейного убийства.

САВИНКОВ, РОПШИН, *КОНЬ БЛЕДНЫЙ*, ИДЕЙНОЕ УБИЙСТВО, ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА, ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

1

Настоящая работа была прочитана на международной научной конференции «Русская мысль о событиях: философский и культурный аспекты», которая проводилась в Белграде 27 и 28 июня 2016 года, в организации Института философии и социальной теории Университета в Белграде и Филологического факультета Университета в Белграде.

Больше чем у других писателей, биография автора играет важную роль в разборе литературного творчества Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925), революционера-террориста и крупной фигуры русской политической сцены начала XX века. Две страсти определили личность Савинкова – революционная деятельность и литературное творчество; как акция и реакция, они чередовались на протяжении всей жизни Бориса Викторовича, переплетенные иногда настолько крепко, что трудно определить, где кончается одна, а где начинается другая.

Творчество Савинкова можно рассматривать и как своего рода компенсацию за неудачи на поле революционно-политической борьбы.

Литературный опус В. Ропшина, литературного alter ego революционера Савинкова, представляет авторский «ответ» исторической эпохе. И любой обстоятельный анализ этого опуса невозможен без осознания историко-идеологического контекста эпохи. Свой взгляд на эпоху Савинков дал в ряде статей о деятельности им и Азефом руководимой Боевой организации партии социалистов-революционеров (эсеров), в духе пропаганды революционно-террористической борьбы. Статьи создавались в периоде между 1907 и 1909 годами, параллельно с литературными произведениями (*Конь бледный*, на пример, о котором дальше пойдет речь) и впоследствии опубликованы под общим заглавием *Воспоминания террориста (1917–1918)*. Мемуары одного из непосредственных участников описываемых событий, несмотря на все упреки в субъективности, рассматриваются исследователями как важный документ идейных поисков эпохи первой русской революции.

Центральная тема литературного творчества Савинкова-Ропшина – осмысление «права» на идейное убийство, его этическая

сторона в первую очередь, т. е. полемика с такой, по мнению автора, губительной нигилистической идеей. Автор исходит из позиций абсолютного этического авторитета, нравственного кодекса Христа, и важнейшей заповеди «не убий». Нравственные позиции Савинкова здесь близко сходятся с Достоевским, хотя Борис Викторович заходит дальше, вопросом возможности этического оправдания идейного убийства он интересуется и на уровне его практической реализации в революционно-идеологической борьбе, обоснованной на собственном террористическом опыте. По словам Мережковского: «В религиозном вопросе о насилии между Достоевским и Конем бледным – такая же разница, как между химической формулой взрыва и взрывом. Тот сказал, этот сделал» (Мережковский 134).

Роман *Конь бледный* (1909; 1913) основывается на революционно-террористической практике его автора. Подобно другим романам Савинкова-Рошина (*То, чего не было и Конь вороной*), сюжетная основа романа *Конь бледный* крепко опирается на реальную историческую обстановку и впитывает в себя ряд событий, в которых автор романа, революционер Савинков, принимал активное участие, то ли в роли организатора, то ли в роли непосредственного исполнителя. Литературовед Е. Фролова считает, что историчность и автобиографичность романа являются результатом авторского понимания творческого процесса: «Ему [Савинкову – Б.Ч.] просто необходимо было заново пережить поступки, которые он совершал, и события, которые происходили в его жизни: встречи, удачи, неудачи, как он понимал и оценивал их; вспоминать лица соратников и тех, кто им противостоял» (Фролова 142). В образе главного героя, Жоржа, наблюдается целый ряд автобиографических черт и свойств. Близкий друг и литературный

2

Хотя и утверждают, что прямое отождествление автора с главным героем романа представляло бы банализацию разбора литературного текста, современные литературоведы и литературные критики не отрицают тесное сродство между ними: «При всех оговорках, что *Конь бледный* – это художественное произведение, скандальную интригу создавало заметное сходство главного героя повести Жоржа и Савинкова» (Архипов 13). Роман многими рассматривается как художественное видение одной политической биографии: «*Конь бледный* был ярчайшим фактом литературной биографии террориста, воплощенным в художественное произведение» (Гончарова 193).

патрон, З.Н. Гиппиус, считает: «писал он, конечно, себя, свою революционную жизнь» (335).

Роман *Конь бледный* представляет наглядный пример переосмысления идейных позиций революционера-террориста Савинкова: критический подход к революции и допустимости/недопустимости революционного насилия (этическая сторона террора как формы революционного насилия), полностью противостоит авторской позиции (позиция : оппозиция) поощрения, афирмации и агитации террора в мемуарной публицистике того же периода (*Воспоминания террориста*).

И пока критика по-разному относилась к роману, исходя, прежде всего, из оценки (положительной или отрицательной) идеологических позиций героя и, вслед за ним, самого автора (поскольку многие в главном герое Жорже видели автора, Савинкова),² читатели же пытались через роман узреть изнанку кровавой эпохи; к нему подходили как к факту исторической истины, намного более увлекаясь историко-идеологическими, чем литературно-художественными качествами романа.

В литературно-критических кругах возникла полемика по поводу достоверности, истинности и объективности сюжета романа или некоторых его составляющих элементов. Полемика основывалась на разборе вопроса «было ли» то, о чем роман повествует, «могло ли быть» и могло ли быть «именно так» или как-то по-другому. Полемика эта, вернее всего, побудила автора назвать очередной свой роман на тему революционного террора *То, чего не было* (1912), настаивая таким образом на концепции романа как художественной фикции, которая может опираться на реально-историческую фактографию, но ни в коем случае не претендует на историческую объективность и достоверность переработанной,

модифицированной для художественных целей данной фактографии, теперь уж в сюжете фиктивного художественного текста и его псевдоисторической сюжетной действительности.

Роман *Конь бледный* написан в форме дневниковых записей, которые хронологически ведет Жорж, главный герой романа. В повествовательной форме первого лица он высказывается о событиях, непосредственным активным участником которых и является. Субъективная повествовательная форма дает возможность представить динамическую картину мыслей и переживаний героя, его внутренний план. Динамика внутреннего плана повествования соответствует динамике внешнего, сюжетно-событийного плана. Этот внешний план разворачивается двумя сюжетными линиями (убийство генерал-губернатора и любовный конфликт), внутренний же – постановкой этического вопроса дозволенности убийства.

Автор записей берет на себя «ответственность» за повествовательную конструкцию действительности, но таким образом «истинность» и «достоверность» этой действительности явно релятивизируются, поскольку она воспринимается глазами не «объективного» наблюдателя со стороны, а активного участника событий, высказывающего свою собственную, субъективную позицию. Его записи не представляют нейтральную, достоверную фиксацию событий, а их интерпретацию, подразумевающую субъективную позицию, угол зрения.

И весь внешне-событийный план можно рассматривать лишь как иллюстрацию мировоззренческих позиций главного героя, так что в данном случае вместо исторической достоверности сюжета можно говорить о псевдоисторической действительности литературного текста.

Художественная псевдоисторическая действительность *Коня бледного* однако воспринимается в контексте реально-исторической действительности, через ассоциации с конкретными историческими событиями, легшими в основу сюжета романа.

В настоящей работе рассматривается соотносительность конкретно-исторического события (идейное убийство как революционно-террористическая практика эпохи первой русской революции) с идейным убийством как стержневым элементом сюжетной структуры литературного произведения.

Оно, событие, в сюжетной структуре романа никогда не является простым воспроизведением конкретно-исторического события: оно всегда подразумевает определенную «деформацию» – модификацию и переосмысление составных элементов исторического события (время, пространство, участник – свидетель, субъект – объект, процесс реализации и факт реализованного события, причина, смысл, цель, замысел и реализация, интерпретация, последствия).

Сюжет *Коня бледного* строится на ряде попыток реализации идейного убийства (событие в процессе реализации): после двух неудач – третья попытка убить генерал-губернатора закончилась успехом.

Для автора, с другой стороны, важной представляется и мотивировка события. Носитель процесса реализации замысла убийства генерал-губернатора, главный герой, глава подпольной террористической группы Жорж, идейное убийство мотивирует двумя идеями: 1. нужность идейного убийства как эффективного способа революционной борьбы («официальная» партийно-идеологическая мотивировка), с элементами сакрализации данного поступка как совершения высшей, небесной правды (террористы как орудие Божией кары), и 2. идейное убийство или, более широко, вообще убийство, как акт проявления личной воли – своеволия как осново-

го начала самодостаточной деятельной личности, самореализация которой никем и ничем не должна ограничиваться.

В ходе сюжета первая мотивировка оказывается ложной, в то время как вторая подтверждается как единственная верная (повторяется «ситуация Раскольникова» – изначальная двойственная мотивация убийства сводится к одной верной, при чем другая оказывается ложной – «идея Наполеона» и «идея Растиньяка», по определению Мочульского; Мочульский 231–232).

Автором же идейное убийство в романе видится как нарушение этического кодекса, осмысляющего человеческую жизнь. Нарушение его неминуемо ведет к автодеструкции опустошенной, разочарованной и потерпевшей крах на всех полях реализации эгоистической личности. Деструкция – убийство, как путь обесмысливания деятельности человека в итоге приводит к автодеструкции – самоубийству потерявшей себя на жизненном пути личности.

Трактовка же идейного убийства как поощрения революционной борьбы на благо будущих поколений, также как и идея христообразности жертвенного подвига террориста-революционера, взявшего на себя крест греха и страдания из-за любви к поработанному ближнему – бытовавшие в некоторых кругах террористов-эсеров – автором отвергаются как фальшивые: на пролитой крови и на убийстве нельзя строить будущую гармонию социальной и этической справедливости.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА.

ДВЕ ВЕРСИИ

Конь бледный опубликован в 1909 году, сперва в журнале *Русская мысль*, а потом и отдельным изданием, в довольно искаженном

цензурой виде. Полная нецензурированная версия романа вышла в свет лишь в 1913 году в Ницце, во Франции. Две версии отличаются между собой, прежде всего, пространственно-временными определениями сюжета.

Из цензурированной версии убрана любая пространственно-временная конкретизация сюжета, все, что могло бы в сознании читателя вызвать ассоциацию с реальными историческими событиями недавнего прошлого, или с участвующими в этих событиях реальными лицами, или же – установить личность автора, скрывавшегося за псевдонимом В. Ропшин.

Нецензурированная версия, наоборот, характеризуется пространственной определенностью, т. е. географической конкретизацией сюжета: Москва (и целая система семантизированных московских городских координат), и Петербург, куда перебрасывается герой в конце романа.

Временные рамки в обеих версиях одинаковы и одинаково неопределенны: сюжет романа длится семь месяцев (в хронологической последовательности, которую обусловила форма дневниковых записей), с 6 марта по 5 октября одного, неопределенного года, который остается за рамками реально-исторического времяисчисления.

Временные рамки исторического подтекста сюжета, однако, намного шире; аллюзиями на конкретные исторические события – идейное убийство в первую очередь – в романе отражается бурная революционная жизнь России времен первой русской революции, с 1904 по 1906 год.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЮЖЕТА

Историческая достоверность, объективность сюжета, в литературном произведении никогда не является критерием его качественной оценки. Однако выявление исторического подтекста в сюжете дает возможность более обстоятельного анализа текста литературного произведения. Тем более, если этот исторический подтекст основывается на личном опыте автора, в данном случае: на революционно-террористической деятельности Савинкова в Боевой организации партии эсеров, изложенной в документальном виде в *Воспоминаниях террориста*.³

Для творчества Савинкова в целом характерно употребление в сюжете ряда фактов исторической реальности (историческое событие или какой-нибудь аспект события).

Историческая эпоха в *Коне бледном* конкретизируется уже поверхностным упоминанием героями ряда исторических событий: московское декабрьское восстание 1905 года (Ропшин 8–9), роспуск Государственной Думы (75), День коронации Николая II («императорский день», 14 мая; см. стр. 50, 55, 70), покушения на представителей императорской семьи конца XIX века (Халтуринский взрыв в Зимнем дворце в 1880 году; см. стр. 99, или цареубийство 1 марта 1881 года; см. стр. 52), и ряда исторических деятелей того времени – Константина Победоносцева, идеолога политической реакции конца XIX века, или Дмитрия Трепова, московского обер-полицмейстера, который своими распоряжениями несет ответственность за кровопролитие во время революционного 1905 года (см. стр. 23).

Исторический подтекст дальше обнаруживается и на сюжетно-событийном плане: стержневым элементом сюжетной ор-

3

Мемуарная книга Савинкова рассматривается нами как довольно объективный с позиции документальной фактографичности источник исторического материала.

ганизации романа является идейное убийство – покушение на московского генерал-губернатора членами подпольной террористической группы, в основе которого, по общему мнению историков и литературоведов, лежит убийство великого князя Сергея Александровича, которое 4 февраля 1905 года в Москве в Кремле совершила Боевая организация партии эсеров, с Иваном Каляевым как непосредственным исполнителем.

Однако, на наш взгляд, исторические рамки покушения на генерал-губернатора в сюжете *Коня бледного* намного шире. В нем обнаруживаются элементы нескольких исторических событий одного и того же типа (политическое убийство): убийство великого князя Сергея Александровича, убийство министра внутренних дел В. К. Плеве 15 июля 1904 года, неудавшиеся попытки покушения на министра внутренних дел П. Н. Дурново и московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, оба весной 1906 года.

УБИЙСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГЕЯ

К убийству великого князя Сергея отсылает место действия сюжета романа – Москва (однако не и время), роль «жертвы» – объекта покушения – безымянного московского генерал-губернатора (имеется в виду нецензурованное издание), и ряд сюжетных обстоятельств: совершение теракта у ворот Кремля революционерами-бомбистами; генерал-губернатор погибает от взрыва бомбы, брошенной под его карету; террористы во время своего нелегального пребывания в Москве следили за генерал-губернатором, переодетые в извозчиков (сравни с главой «Убийство великого князя Сергея» – Савинков 1990: 69–106).

Убийца генерал-губернатора в романе, Ваня – сторонник идеи революционного христианства, убийца во имя Христа и Его любви – в своих идейно-религиозных взглядах повторяет концепцию революционной борьбы в духе христианского подвига Ивана Каляева, эсера-террориста и близкого друга Савинкова по Боевой организации, убийцы великого князя Сергея. Ваня в сюжете романа повторяет судьбу известного террориста после покушения: он не погиб в теракте, арестован и приговорен к смертной казни (Ропшин 105, 117). Ванино письмо из тюрьмы Жоржу (105–106) почти целиком воспроизводит отправленное Каляевым из тюрьмы письмо к товарищам, которое Савинков приводит в *Воспоминаниях террориста* (Савинков 1990: 100, 101). Подобно Каляеву, и Ваня решительно выступает против убийства детей в готовящемся покушении (Ропшин 101). В романе, однако, данная позиция героя остается в рамках теоретического обсуждения; Каляев же, в конкретной акции, в последний момент решает не бросить бомбу на карету великого князя, потому что в ней сидят дети, племянники великого князя (Савинков 1990: 92–93).

Террористическая группа, реализовавшая убийство великого князя, состояла из пяти членов (четыре мужчины, одна женщина): Борис Савинков, Петр Куликовский, Иван Каляев, Борис Моисеенко и Дора Бриллиант (Савинков 1990: 79, 82). Пятерку составляет и террористическая группа в романе: Жорж, Федор, Ваня, Генрих, Эрн. Распределение ролей в группе идентично: организатор, трое исполнителей, переодетых извозчиками, и девушка, изготавливающая снаряды/бомбы.

Английский паспорт Жоржа (Ропшин 5, 42, 109) соответствует английскому паспорту на имя Джемса Галлея, за которым

скрывался Савинков во время покушения на великого князя (Савинков 1990: 79).

Поведение генерал-губернатора в романе, частые переезды из городской резиденции в загородную (Ропшин 18, 38, 87), сочетаются с поступками великого князя накануне убийства (Савинков 1990: 83, 85).

Нереализованный план покушения на генерал-губернатора после спектакля в Большом театре (Ропшин 77) отражает тождественную идею членов Боевой организации, подробно изложенную в *Воспоминаниях террориста*. В общем, сцена первой (нереализованной) попытки покушения на генерал-губернатора в *Коне бледном* (80–81) строится автором по модели неудавшегося покушения на великого князя 2 февраля 1905 года, во время его посещения Большого театра (Савинков 1990: 93–94).

Душевные переживания Доры Бриллиант, сознание собственной нравственной ответственности за пролитую кровь, в романе передаются Эрне – сравни Дора Бриллиант: «Это мы его / великого князя – Б. Ч./ убили... Я его убила... Я...» (Савинков 1990: 97); Эрна, в нецензурированной версии: «Это... это я виновата... (...) Что он /генерал-губернатор – Б. Ч./ не убит (...) Нет, это я, это я, это я...» (Ропшин 97–98); Эрна, в цензурированной версии: «Это... это я виновата... (...) Что Федор... (...) Нет, это я, это я, это я...» (Савинков 1992: 185–186). Заметим, что в нецензурированной версии Эрна сожалеет о том, что генерал-губернатор все еще жив, в то время как в цензурированной версии в центре ее внимания погибший в неудавшейся попытке покушения товарищ, член террористической группы, Федор. К тому же, Дора Бриллиант сожалеет о великом князе после его убийства; в романе же, в обоих версиях, попытка покушения кончилась провалом.

УБИЙСТВО ПЛЕВЕ

С первой крупной акцией Боевой организации – убийством министра внутренних дел В.К. Плеве, 15 июля 1904 года в Петербурге (Савинков 1990: 25–68), сюжет романа связывает время реализации первой («неудавшейся») попытки покушения в нецензурированной версии (Ропшин 78–81). В цензурированной версии запись от 16 июля, в которой повествуется о неудавшейся попытке, слита с предшествующей записью от 14 июля (Савинков 1992: 174), очевидно во избежание любой прямой ассоциации с реальным, историческим событием. Из самого текста записи все-таки можно и без временной фиксации понять, что речь идет о событии, совершившемся 15 июля.

Кроме вышеуказанной близости с Каляевым, Ваню, непосредственного исполнителя покушения в романе, можно в идейно-религиозном смысле соотнести также с Егором Сазоновым, убийцей министра Плеве. И тот и другой носят в себе чувство греха за содеянное. В *Воспоминаниях террориста* о Сазонове читаем: «И тот же Сазонов впоследствии мне писал с каторги: „Сознание греха никогда не покидало меня“» (Савинков 1990: 54). В том же духе рассуждает и Ваня: «Убить тяжкий грех» (Ропшин 12); «Нет мне выхода, нет исхода. Иду убивать, а сам в Слово верю» (29).

Так же, как и в случае покушения на великого князя Сергея, убийству министра Плеве предшествовало несколько неудавшихся попыток. В сюжете *Коня бледного* наблюдается ряд ассоциаций с первой попыткой Боевой организации убить Плеве: план покушения предполагает взорвать карету жертвы на улице бомбой; Сазонов не заметил промелькнувшей мимо него неожиданно быстро кареты министра (Савинков 1990: 39–40), так же, как и Генрих не заметил проехавшего мимо него генерал-губернатора

в романе (Ропшин 80). Генрих стоял тогда на мосту, так же, как и Каляев, второй участник нереализованного покушения на Плеве (Савинков 1990: 39).

Жуткий кошмар Жоржа, в котором приготавливающая снаряды для очередной акции Эрна погибает от взрыва (Ропшин 84), в действительности не раз постигал Боевую организацию. Так, например, в ходе акции покушения на Плеве, взорвался сотрудник Савинкова Покотилов (Савинков 1990: 42). Вернее всего, к нему и отсылают слова главного героя романа: «Один мой товарищ уже погиб на такой работе. (...) Эрна рискует тем же» (Ропшин 84). Смерть Покотилова во время второй неудавшейся попытки убить Плеве, в сюжете романа отразилась в смерти террориста Федорова во время второй «неудачной» попытки убить генерал-губернатора (Ропшин 92–95).

Сцена взрыва, убийство Плеве, передается в романе почти без изменения в соответствующей сцене убийства генерал-губернатора. В *Воспоминаниях террориста* читаем: «Я увидел, как от земли узкой воронкой взвился столб серо-желтого, почти черного дыма. Столб этот, все расширяясь, затопил (...) всю улицу» (Савинков 1990: 62–63). В *Коне бледном*: «(...) от земли взвился узкий столб серо-желтого, по краям почти черного дыма. Он воронкой ширится вверх, затопляет улицу» (Ропшин 104). Метафора взрыва «чугунный гул» («В ту же минуту – знакомый, странный, чугунный гул» – Ропшин 104) в роман также перекочевала из соответствующей сцены *Воспоминаний*: «Вдруг в однообразный шум улицы ворвался тяжелый и грузный, странный звук. Будто кто-то ударил чугунным молотом по чугунной плите» (Савинков 1990: 62).

Спор Вани и Генриха о том, кому принадлежит «право» первому бросить бомбу, кроме возможного пародирования евангель-

ского спора Иакова и Иоанна Заведеевых о том, кто сядет рядом с Христом (Матфей 20, 20–23; Марк 10, 35–40), может являться отражением приведенной в *Воспоминаниях* реплики одного из участников покушения на Плеве, террориста Покотилова: «Первая бомба мне. Я ждал слишком долго. Я имею на это право» (Савинков 1990: 34). Подобно Покотилову, Генрих твердит: «... я жду очень давно. (...) за мною право. За мною первое место» (Ропшин 52).

ПОПЫТКИ ПОКУШЕНИЯ НА ДУРНОВО И ДУБАСОВА

В начале 1906 года Боевая организация партии эсеров занялась организацией покушения на министра внутренних дел П. Н. Дурново и на московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова, с условием, чтобы они были проведены в дело до созыва Первой государственной Думы 27 апреля 1906 года (Савинков 1990: 169), поскольку террористические методы борьбы не совмещались с парламентской формой политической борьбы. И в романе, в разгар реализации плана покушения на генерал-губернатора, приехавший из Петербурга партийный деятель Андрей Петрович поднимает вопрос о временном прекращении террора из-за выборов в Думу и решения партии взять участие в парламентской работе (Ропшин 19–20). В очередном разговоре с Жоржем Андрей Петрович упоминает разгон Думы и требование партии усилить террор (Ропшин 75).

Остается до конца не выясненным о какой Думе, на самом деле, идет речь в романе – о Первой, которая проработала с 27 апреля по 7 июля 1906 года, или о Второй, созванной 20 февраля, распущенной 3 июня 1907 года. Учитывая датировку дневниковых записей, в которых Андрей Петрович высказывается об открытии Думы (29

марта; Ропшин 19–20), т. е. о ее роспуске (10 июля; 75–76) то, вернее всего, речь идет о Первой государственной Думе. Однако, партия эсеров не принимала участия в работе Первой Думы. С другой стороны, Вторая Дума распущена царским декретом и принят новый выборный закон; таким образом напрямую нарушена конституция от 23 апреля 1906 года, запрещающая менять выборные законы без согласия Думы. Реплику Андрея Петровича в записи от 10 июля «Вот вам и конституция» (75), можно понять только учитывая контекст исторических обстоятельств роспуска Второй Думы.

План покушения на Дубасова отражается в тексте романа, прежде всего, «географическим» – пространственным определением жертвы (московский генерал-губернатор). К Дубасову отсылает и история участия Федора, героя романа, в московском восстании (Ропшин 9–10); именно Дубасов подавил декабрьское восстание в Москве в 1905 году. Напомним, что рассказ Федора об участии в московском восстании обнаруживается только в нецензурированной версии, так как в цензурированной убрана любая возможность ассоциирования рассказа с реальным историческим контекстом.

С планом покушения на Дубасова текст романа связывают и временные рамки упоминаемых в тексте христианских праздников Страстной недели и Пасхи (Савинков 1990: 178; Ропшин 25–29).

Места, которые бомбисты в романе занимают у ворот Кремля (79), повторяют план намеченной акции на Дубасова в Страстную субботу, день торжественного богослужения в Кремле (Савинков 1990: 179), лишь с той разницей, что вместо у Никольских ворот, в романе один из героев, Ваня, должен стоять у Спасских ворот (50, 52, 77, 79). Спасские ворота, отсылающие ко Христу – Спасителю, соответствуют концепции образа Вани как «христианского ре-

волюционера», «убийцы во имя Христа», грех которого искупит Спаситель (106).

Кондитерская Сиу, место встречи членов Боевой организации (Савинков 1990: 179), является местом встречи Жоржа и Федора в первой части романа, в нецензурированной версии (64), в то время, как в цензурированной фигурирует лишь какая-то неконкретизованная кондитерская (Савинков 1992: 167). Все мотивы, создающие сцену встречи в кондитерской двух членов террористической группы и последующую развязку первой части романа – первую неудачу на пути реализации плана покушения (запись от 12 мая), повторяют событийную цепочку неудавшегося покушения на Дубасова и раскрытие группы Савинкова (Савинков 1990: 179–180) – главный герой сообщает, что за ними следят сыщики; члены группы спешно покидают Москву; газетная статья сообщает о раскрытии приготовления покушения на московского генерал-губернатора «преступной шайкой» (Ропшин 64–65).

Подводя итоги, обращаем еще раз внимание на исходные позиции настоящего доклада:

- исторический подтекст представляет иллюстрацию идейного плана романа – рассмотрение вопроса «права» на чужую жизнь, т. е. этической стороны идейного убийства (теракт как экстремальная форма идейного убийства);
- ассоциативным путем в сюжетно – событийной структуре романа отражены исторические факты, которые охарактеризовали эпоху первой русской революции. ♡

Литература

- АРХИПОВ, И., 2008: Борис Савинков: террорист и литератор // *Звезда* 2008, № 10.
- ГИППИУС, З.Н., 2002: Дмитрий Мережковский // *Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения.* Москва: Русская книга.
- ГОНЧАРОВА, Е.И., 2006: «Заграничные связи нам тоже слишком дороги»: Письма З. Гиппиус, Д. Мережковского, Д. Философова к Б. Савинкову. 1912–1913 годы. (Вступительная статья, публикация и примечания Е. И. Гончаровой) // *Русская литература* 2006, № 1.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.С., 1991: «Конь бледный» // *Больная Россия. Избранное.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К., 1980: *Достоевский. Жизнь и творчество.* Париж: YMCA-PRESS.
- РОПШИН, В. (Б.В. САВИНКОВ), 1913: *Конь Бледный.* Ницца: Книгоиздательство М.А. Туманова.
- САВИНКОВ, Б.В., 1990: Воспоминания террориста // *Избранное.* Москва: Политиздат.
- САВИНКОВ, Б.В., 1992: «Конь бледный» (цензурованная версия, 1909 г.) // *То, чего не было. Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения.* Москва: Современник.
- ФРОЛОВА, Е., 2008: Иноходец // *Звезда* 2008, № 10.

Резиме

Циљ овог рада јесте да се сагледа међуоднос конкретно-историјског догађаја (идејно убиство као револуционарно-терористичка пракса времена прве руске револуције 1905. године) и идејног убиства као централног елемента сижејне структуре романа Коњ блед Б. В. Савинкова (књижевни псеудоним В. Ропшин). Попут других романа Савинкова-Ропшина, сижејна основа романа Коњ блед чврсто се ослања на реално-историјске околности и у себе упија читав низ реалних историјских догађаја, у којима је аутор романа, револуционар-есер Савинков, узимао активно учешће, било у улози организатора, било у улози непосредног извршиоца. Историјски подтекст представља илустрацију идејног плана романа, у чијој основи је разматрање питања „права“ на туђ живот, т. ј. етичка страна идејног убиства.

Роман Коњ блед објављен је 1909. године, испрва у часопису „Руска мисао“, затим и као посебно издање, у прилично цензурисаном виду. Пуна, нецензурисана верзија романа појавила се 1913. године у Ници, у Француској. Две верзије разликују се, пре свега, просторно-временским одредницама сижеа. Из цензурисане верзије одстрањена је било каква просторно-временска конкретизација сижеа. Нецензурисану верзију, с друге стране, одликује просторна одређеност, т. ј. географска конкретизација сижеа: Москва (и читав низ семантизованих московских градских координата) и Петербург, куда на крају романа одлази главни јунак. Временски оквири обеју верзија подједнако су неодређени: сиже романа траје седам месеци (у хронолошком континуитету који подразумева форма дневничких записа), од 6. марта до 5. октобра једне, неодређене године, која остаје изван оквира реално-историјског календара.

Временски оквири историјског подтекста сижеа, ипак, много су шири: алузијама на конкретне историјске догађаје – идејно убиство пре свега – у роману се одражава бурни револуционарни живот Русије периода прве руске револуције, од 1904. до 1906. године. Историјски подтекст разоткрива се на сижејном плану: централни елемент сижејне организације романа јесте идејно убиство, убиство московског генерал-губернатора, које су извршили припадници илегалне терористичке групе, а у чијој основи, према општем мишљењу историчара и књижевних критичара, лежи убиство великог кнеза Сергеја Александровича, које је 4. фебруара 1905. године у Московском Кремљу извела Бојева организација партије есера са Иваном Каљајевом као непосредним извршиоцем.

По нашем мишљењу, међутим, историјски оквир убиства генерал-губернатора у сижеу Коња бледог много је шири. У њему откривамо елементе неколико историјских догађаја истог типа (политичко убиство): поменуто убиство великог кнеза Сергеја Александровича 4. фебруара 1905. године, убиство министра унутрашњих послова В. К. Плевеа 15. јула 1904. године, неуспели покушаји убиства министра унутрашњих послова П. Н. Дурново и московског генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, оба у пролеће 1906. године.

Бобан Чурич

Бобан Чурич – доктор филологических наук. Преподает русскую литературу и русскую культуру на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета. Автор работ по русской литературе XIX и XX веков, русской эмиграции и истории сербско-русских культурных взаимоотношений. Автор научной монографии на сербском языке «Из живота руског Београда» (2011); расширенное и дополненное издание на русском «Из жизни русского Белграда» опубликовано в 2015 г.